

Х. РАППОПОРТ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В ЕЕ ГЛАВНЕЙШИХ ТЕЧЕНИЯХ

С.-Петербург, 1898

ГЛАВА 5. ТРИ ГЛАВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯ В НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

При анализе специфического характера исторического процесса мы свели все возможные факторы истории к трем основным: естественная среда (в тесном смысле), историческая среда и человеческая личность.

Эти три категории исторических влияний исчерпывают и резюмируют всю сумму возможных исторических воздействий. Кроме внешней природы, человеческой личности и исторических наслоений, исторически выработавшихся форм жизни, нельзя в пределах человеческого опыта найти ничего такого, что могло бы влиять на историю человеческих обществ. В этих трех сферах исторического влияния, и только в них, можно искать научные ответы на вопросы, относящиеся к нашей исторической судьбе; только здесь и можно с некоторым правом надеяться найти разрешение тех удивительных загадок, которые нам время от времени задает историческое течение нашей жизни.

Этим трем основным источникам исторических явлений соответствуют три направления в научной философии истории: физико-климатическое, физиолого-психологическое и культурно-историческое. Какую бы историческую теорию мы ни взяли, она неизбежно должна относиться как методологически, так и по своему содержанию к одному из этих трех основных историко-философских направлений. Физико-климатическое направление исходит в своем объяснении исторического процесса из внешней природы, физиолого-психологическое направление черпает свои данные во внутренней природе человека, а культурно-историческое пытается объяснить историческое движение культурно-бытовыми и общественными формами, образовав-

шимися в самом историческом процессе.

Физико-климатическое понимание истории исходит из положения, что человек представляет неотъемлемую часть физической природы, высший ее расцвет и как таковой должен рассматриваться и в философии истории. Так говорит Гердер, один из инициаторов этого направления: духовное и моральное начала человека относятся также к физике и подчинены тем же законам, которые все в конце концов находятся в зависимости более высшего порядка от Солнечной системы.

Физико-климатическое направление производит целую революцию в философии истории, коренным образом видоизменяя ее характер. Необходимым следствием этого направления является признание закономерности в истории. Направление это придает философии истории положительный, естественно-научный характер. Так как большинство естественных влияний может быть сведено на известные нам общие законы природы и в то же время доступно нашему наблюдению, то философ истории, обративший свое внимание на зависимость человека от внешней природы, неизбежно переносит понятие об этой постоянной зависимости и на исторические явления. Законы природы в применении к исторической жизни человека превращаются в законы истории. Физико-климатическое направление в философии истории предполагает у его приверженцев более или менее близкое знакомство с естественными науками и их методом. Между естествознанием и историей возникает плодотворный обмен результатами исследований, особенно важный и богатый последствиями для последней. У важнейших представителей физико-климатического направления, Монтескье, Гердера и Бокля, мы поэтому и находим развитым в весьма высокой степени сознание закономерности в истории.

Не подлежит сомнению, что интеллектуальный фактор играет одну из важнейших ролей в историческом движении, и подчеркивание его приверженцами физико-климатического направления представляет одну из положительных сторон этого направления.

Мы указали на положительные стороны физико-климатического направления. Укажем теперь на некоторые отрицательные моменты в этом сравнительно старейшем направлении научной историко-философской мысли.

Слепые силы природы рисуются часто пред нашим сознанием как нечто непреодолимое, роковое, которому остается только покориться. Природа является в роли нового фатума, господствующего над судьбой народов. Так, Бокль осуждает внеевропейские народы на вечный мрак и вечное рабство у природы. Таковую тенденцию Лоран справедливо назвал «фатализмом природы». И оппоненты Бокля, историк Дройзен например, справедливо указывают на явления, могущие поколебать веру в безусловное господство слепых сил внешней природы. Выдвигаются целые народности, которые, как, например, евреи, при различных климатах сумели отстоять приобретенные ими вне Европы национальные особенности или подвергались таким изменениям, которые обусловлены другими причинами, не климатическими.

Физико-климатическое направление подвергается и другой опасности. Приверженцы его склонны игнорировать различие между естественными и историческими законами и искать в истории не то, что подвергается постоянным переменам и подчинено законам развития, а то, что неизменно и периодически повторяется в одной и той же форме. История для них превращается в род естествознания. У Бокля, например, моральная статистика Кетле играет большую роль, он пользуется ею для подтверждения возможности исторических законов, и можно подумать, что Бокль только там видит историческую закономерность, где исторические явления повторяются с правильностью явлений внешней природы. Физико-климатическое направление склонно считать историческими законами законы социологии, антропологии и даже психологии¹. При таком воззрении на при-

---

¹ П. Л. указал на это смешение в своих «Письмах», указывает на них и профессор Карев. При этом последний из этого легко объяснимого общим свойством направления смешения умозаключает о невозможности исторических законов вообще, что, как нам кажется,

роду исторических явлений отодвигается на задний план принцип развития, который должен господствовать в философии истории, пытающейся научно обосновать свои положения.

Указав на важнейшие моменты, как положительные, так и отрицательные, физико-климатического направления и значение его в развитии философии истории, переходим к вопросу о характере самой физико-климатической среды, к вопросу о том, какую роль она может играть в историческом движении, чтобы хоть в общих чертах определить ее, так сказать, историко-философскую ценность.

Прежде всего необходимо заметить, что те, кто пытается умалить историко-философское значение физико-климатических факторов, исходя из положения об их устойчивости и неизменности, очевидно, не считаются со сравнительно более поздними и многочисленными исследованиями современной климатологии, предмет которых — изучение постоянных изменений в физико-климатической среде. Физико-климатические факторы столь же мало можно считать постоянными и неизменяющимися, как факторы психические и культурно-исторические. Если изменения в физико-климатической среде происходят медленнее и менее доступны непосредственному наблюдению, чем изменения в психической и культурно-исторических областях, то это, конечно, не может и не должно служить причиной их игнорирования в философии истории. Напротив, чем больше мы склонны при поверхностном обзоре игнорировать какую-нибудь категорию явлений, тем настоятельнее становится для научного исследования задача их изучения и освещения путем более глубокого научного анализа.

Как объективный фактор, физико-климатическая среда отличается от субъективных исторических факторов своей пас-

---

нелогично. Очевидно, что уважаемый автор «Основных вопросов философии истории» заимствует понятие «исторического закона» у физико-климатического направления. Ему поэтому нетрудно доказать невозможность таких исторических законов. Но тут сам собою возникает вопрос: кто же нас обязывает считать законом истории только «повторяемость» исторических явлений, а не понимать под ним развитие при известных условиях исторического явления в одном определенном направлении?

сивностью. В ней нам даны важнейшие естественные условия, место действия исторического развития, как и сильные препятствия, противодействующие или могущие противодействовать процессу развития. Последние не менее важны, чем первые. Они должны быть устранены для того, чтобы исторический процесс сделался возможным. Принципы исторического движения не содержатся непосредственно в физико-климатической среде: эта среда в связи с другими естественными факторами обуславливает само существование истории, но, само по себе взятое, не в состоянии вызвать к жизни исторического движения и не может, следовательно, обуславливать собою исторический процесс. Субъективный фактор, другими словами, находящаяся на известной ступени развития личность должна появиться на подготовленной и поддерживаемой слепыми силами природы исторической сцене, чтобы начался исторический процесс. Весьма удачно Карл Маркс в первом томе «Капитала» назвал физико-климатическую среду «возможностью» исторического движения. Только с появлением активного исторического фактора эта «возможность» превращается в историческую действительность.

Почти исключительно активным фактором истории занимается второе направление научной философии истории, физиолого-психологическое. Человеческие страсти, человеческие идеи или верования, человеческие потребности обуславливают, согласно этому историко-философскому направлению, историческое движение человечества. Причем одни выдвигают на первый план физиологическую природу человека, другие — психологические его способности, третьи — его интеллектуальное превосходство.

Тэн смотрит на историю как на решение психологической задачи. При этом он не ограничивается общеизвестными психологическими свойствами человека, а считает необходимым для историка изучение специальных патологических явлений психологического характера, в которых он видит ключ к пониманию отдельных эпох и народов. Так, он говорит: «Я не думаю, чтобы историк мог иметь ясное понятие о браманистической и

буддистской Индии, если он не изучил предварительно экстаза, каталепсии, галлюцинаций».

Один из новейших французских социологов, Тард, выводит из одного психологического свойства человека, а именно из способности к подражанию, всю социологию, совпадающую у него с философией истории: «Существо общественное, — говорит он, — как таковое, есть по самой своей природе существо подражательное, и подражание играет такую же роль в обществе, какую наследственность играет в организмах». Исходя из мысли, что всякое сходство есть следствие повторения («все сходства происходят от повторений») и что производить — значит воспроизводить («каждый раз, когда производить не значит воспроизводить, все становится для нас темно и неясно»), он в историческом процессе видит только один процесс подражания и пытается определить скорость распространения исторических идей с помощью математических выражений.

Мысли Тэна и Тарда для нас особенно интересны, как доказательство, что физиолого-психологическое направление не должно непременно прибегать к общеизвестным свойствам человеческой природы, другими словами, к более или менее общим местам, чтобы объяснить со своей точки зрения исторический процесс.

Значительным шагом вперед в физиолого-психологическом направлении необходимо признать переход от индивидуальной психологии к коллективной, составившей эпоху в развитии психологии.

Основанная Лацарусом в 1851 г. «психология народов» (*Volkerpsychologie*), сравнительно быстро распространившаяся по всем культурным странам, видит основу исторического процесса не в индивидуальной, но в коллективной психологии. В его «Мыслях о психологии народов» мы читаем по этому поводу следующее: «Исследование природы привело к развитию двойного ряда дисциплин: во-первых, описательного естествознания, к которому относятся минералогия, ботаника, зоология, а также астрономия и геология. Параллельно с описательным

естествознанием идут обосновывающие его рациональные дисциплины учения о природе, а именно физика, химия, физиология растений и животных и, наконец, математика. В то время как первый ряд изучает жизнь и бытие природы, существующие вещи, царство действительности, второй ряд наук развивает всеобщие законы, по которым эти формы действительности возникают и исчезают, отыскивает первоначальные элементы и основные силы природы. Исследование духа неизбежно должно вызвать аналогичный двойной ряд наук. Но история человечества соответствует описательному естествознанию, она есть описание осуществленной действительности в царстве духа. Не потребует ли и она дисциплины, аналогичной синтетическому естествознанию? Не потребует ли история теории господствующих в ней законов для того, чтобы она могла быть синтетически понята и обоснована? В чем же заключается физиология исторической жизни человечества? На это мы отвечаем: в психологии народов. Как биография отдельного лица покоится на индивидуальной психологии, так история, биография человечества имеют свое рациональное основание в «психологии народов». Таким образом, психология в своих двух разветвлениях должна сделать для биографии и истории то, что физиология делает для зоологии».

Коллективная психология далеко не выполнила обширной программы своего основателя. Но отсюда еще далеко до отрицания громадного значения, которое может и должна получить коллективная психология для объяснения исторического процесса. Это одна из сильных сторон физиолого-психологического направления; коллективная психология открывает ему весьма широкие перспективы и в то же время приводит его в тесную связь с самыми интересными проблемами современной научной психологии, успехи которой немедленно должны будут отражаться и в историко-философских исследованиях психологического направления. Нельзя поэтому не признать одной из крупных заслуг русской социологической школы, которая в лице Н. К. Михайловской дала одного из самых блестящих и талантлив-

вых инициаторов в этой многообещающей, но еще весьма мало разработанной научной области.

Попытаемся сделать для физиолого-психологического направления то, что мы сделали уже для охарактеризованного физико-климатического направления: отметим положительные и отрицательные стороны направления, указывая в то же время его общее значение для философии истории.

Прежде всего против физиолого-психологического направления могут быть сделаны возражения представителями двух историко-философских мировоззрений: провиденциалистического и метафизического. И то, и другое направление не могут видеть в человеческой воле, в стремлениях, страстях и идеях человека последних мотивов исторического процесса. Эти последние причины — Высшая Сила, по провиденциалистическому воззрению, Идея, или Абсолютный Идеал, — по метафизическому. Человеческая воля, согласно этим воззрениям, есть только орудие в руках высших сил, посредствующее звено между этими силами и исторической действительностью.

Метафизическим по методу приходится считать и то направление, которое придает конкретное индивидуальное значение историческому процессу, превращая его в «объективный ход вещей», «объективный исторический процесс» или «объективную историческую силу» и рассматривая личность в последнем счете исключительно как исполнительный орган всемогущей объективной исторической силы. Пусть специальный мотив исторического процесса, выставляемый этим направлением, будет как нельзя более конкретным (как, например, производство и обмен материальных благ), признаваемая рядом с этим мотивом объективная историческая сила, стоящая вне и выше воли личностей, составляющих общество, должна быть признана чисто метафизическим существом вроде господствующей будто бы над историей идеи или гегелевского духа, если только под «объективной исторической силой» подразумевают нечто более, чем условное (двусмысленное, и поэтому опасное для употребления) название совокупности результатов индивидуальных и коллек-

тивных человеческих действий.

Что выдвигание на первый план «объективного хода вещей» есть метафизическое понятие, пережиток гегелевской метафизики, а не необходимый в науке момент абстракции, ясно из противоположения этого понятия понятию личности у «объективистов»: абстракция никогда не противопоставляется элементам, которым она обязана своим существованием. Напротив, в них и только в них абстракция находит свое оправдание.

Вне провиденциалистического мировоззрения и метафизической точки зрения во всех ее видах нет ничего, кроме человека, на что можно было бы свести, в последнем счете, исторический процесс: человеческая личность, как система сил, идей и потребностей, является единственным активным фактором исторического движения.

Этим положением ни в каком случае не вводится произвол в историю, и с признанием его еще далеко не наступает, как некоторые склонны думать, царство отдельной, индивидуальной и случайной воли. Деятельность личности подчинена законам природы и ограничивается или обусловливается такую же деятельностью других личностей. Пределы, поставленные деятельности и влиянию личности этими ограничениями, суть в то же время пределы исторического влияния личности.

Индивидуальные силы отдельных личностей умножаются и растут с изумительной быстротой, когда они объединены в социальной комбинации или прилагаются для эксплуатации объективных сил природы. Но и этот замечательный по своей скорости и последствиям рост индивидуальных сил имеет свои законы и, следовательно, свой предел, его ограничивающий. Исследование исторического значения этих сил и их закономерного развития в связи с историческими и естественными факторами должно составлять одну из важнейших задач физиолого-психологического направления. При решении этой задачи философия истории должна обогащаться результатами громадной важности как в теоретическом, так и практическом отношении. Исследования подобного рода должны показать как замечатель-

ную историческую силу активной личности, так и отведенные ей (личности) самой природой вещи границы. Личности одинаково полезно и необходимо знать как свою историческую силу, так и свое историческое бессилие... Зная свое бессилие при столкновении с известными естественными и историческими препятствиями, она зато лучше, то есть энергичнее и полнее, воспользуется своей действительной исторической силой, которая все-таки должна быть признана огромной, несмотря на упомянутые ограничения.

Укажем еще на один момент практической и теоретической важности физиолого-психологического направления. Направление это, подчеркивая историческое значение личности, менее чем какое бы то ни было, склонно игнорировать и практические ее интересы, и права на свободу и самостоятельность. Исходя из человека, физиолого-психологическое направление, естественно, снова возвращается к человеку, повсюду и всегда выдвигая вопрос: насколько данное историческое положение, данная комбинация индивидуальных сил способствует развитию личности и ее благосостоянию? Философ истории никогда не должен забывать, что не человек существует для истории, но история существует для человека. Все в истории имеет для нас постольку ценности, поскольку оно отвечает человеческим потребностям и идеалам. Даже в том случае, когда мы рассматриваем исторический процесс чисто объективно, мы это делаем в интересах человека и во имя его потребностей: во-первых, потому, что научное исследование, удовлетворяющее потребности знания, прямым образом содействует человеческому счастью, а во-вторых, потому, что объективный исследователь сознательно или бессознательно руководствуется и тем мотивом, что действительное и основательное знакомство с настоящим ходом истории только может содействовать достижению индивидуальных и коллективных целей человека. Никогда человек не может согласиться с quasi-научными социологическими и историко-философскими выводами о необходимости подчинения интересов личности, стоящей над ним, коллективной группе или какому-то «соци-

альному прогрессу», почему-то требующему себе — словно Молох! — человеческих жертв. Эта склонность принести в жертву человека какой-то метафизической субстанции «общества» и «прогресса», существующих независимо от интересов личности, встречается на каждом шагу у лучших и талантливейших западных писателей. В следующих словах один из них формулирует *эту* тенденцию закласть на алтарь метафизической абстрактной субстанции конкретного человека: «С одной стороны, мы имеем индивидуальный разум, который под влиянием действующих эволютивных сил стремится развиваться все более и более. С другой стороны, имеем бесконечно более важные интересы социального организма, позади которых стоят интересы рода и которые требуют безусловного подчинения этого развивающегося индивидуального разума, господина самому себе. Мы видим, следовательно, что если прогресс должен продолжаться, то личность должна подчиняться крайне тяжким условиям существования, которые разум охотно упразднил бы, и что она должна содействовать развитию, которое для нее, как отдельной личности, никогда не будет иметь никакого практического интереса. Мы присутствуем, следовательно, при этом необыкновенном зрелище — как человек, движимый глубоким общественным чувством, постоянно старается в интересах социального прогресса подавить стремление своего собственного разума, желающего остановить или изменить сами условия этого прогресса».

Во имя какого божественного или человеческого принципа наука должна признать воображаемые «интересы» чуждого чувства страдания и радости «социального организма», этого гипотетического абстрактного существа, «бесконечно более важными», чем действительные интересы несомненно существующего конкретного человека, этот писатель не говорит.

Не остается также объясненным и потому должно быть признано в высшей степени легкомысленным и ненаучным утверждение, что личность «должна» содействовать «прогрессу», во имя которого ей приходится «подавить стремление своего соб-

ственного разума», другими словами, должна содействовать своему собственному подавлению², самоистреблению во имя «науки».

По едва понятной непоследовательности большинство писателей, ставящих «интересы» социального прогресса выше интересов личности, подвергают резкой критике коллективистический идеал общества, выставляя против него как самый главный аргумент присущее ему будто бы стремление закрепит личность под власть социального авторитета, общественной организации труда и т. п. Если порабощение личности социальному авторитету и было бы неизбежно в коллективистическом обществе, то, тем не менее, остается вопрос, почему упомянутые писатели, с таким легким сердцем отдающие личность в рабство социальному прогрессу, являются самыми яркими защитниками свободы личности и ее интересов, когда дело идет о «подчинении» личности общественному благу и общественной организации. Очевидно, что такая странная непоследовательность и ненаучность может быть объяснена только мотивами, ничего общего с наукой не имеющими.

При всех своих крупных положительных достоинствах физиолого-психологическое направление не лишено и отрицательных сторон. Вот, как нам кажется, важнейшие из них.

Физиолого-психологическое направление подвергается опасности «атомизирования» исторического процесса, другими словами, сведения величайших исторических результатов к мельчайшим индивидуальным причинам. Среди приверженцев физиолого-психологического направления мы находим, например, таких, которые с самодовольным торжеством объясняют ход истории фактами вроде тех, как форма носа Клеопатры или

---

² Ввиду поверхностных и недобросовестных нападок на «русских субъективистов» самого последнего времени не лишним будет здесь напомнить читателю, что, если в серьезной части русской литературы эти столь же несправедливые, сколько и ненаучные фразы о необходимости принесения человеческих жертв богу прогресса составляют большую редкость, то мы этим обязаны беспощадной критике «наших субъективистов».

желудочная болезнь какого-нибудь французского короля³. Это парадоксальное противопоставление мелких quasi-причин крупным историческим результатам может показаться некоторым весьма эффективным, но оно ни в каком случае не содействует пониманию исторического процесса или даже отдельных исторических явлений в их целом. По отношению к такого рода психологическому объяснению применима резкая критика В. Гумбольдта: «Она (эта точка зрения) менее всего, — говорит он, — имеет всемирно-исторический характер, она унижает трагедию всемирной истории до драмы повседневной жизни, легкомысленно вырывает отдельные события из связи с целым и на место мировой судьбы ставит мелкую игру личных мотивов». Этому выдвиганию роли случая («*Sa Majeste'le Hasard*», как выражается Фридрих Великий) достаточно противопоставить положение Монтескье, приведенное выше, что сам случай не случайно может играть роль истории, что и его влияние, если оно и дало себя почувствовать, сделалось возможным только вследствие общих причин. Если физико-климатическое направление весьма часто отодвигает на задний план человеческую личность, то физиолого-психологическое направление грешит нередко в противоположном смысле: оно иногда слишком высоко ставит историческое влияние отдельных личностей, особенно личностей-героев. Пусть это преувеличение роли личности в тех или других конкретных случаях окажется практически полезным, поскольку оно поощряет личную инициативу и личную деятельность, но научное преувеличение исторической роли личности

---

³ Что возможность известного минимума влияния даже таких сравнительно мелких обстоятельств вполне законна, признает вполне основательно и историк П. Милоков во введении к своим замечательным «Очеркам по истории русской культуры» (18.96). Нельзя при этом не отметить смещения почтенным автором понятий «философия истории» и метафизика истории. Г. Милоков находит возможным противопоставлять философию истории «научной теории» исторического процесса в то время, когда он сам признает, что «философия истории нашего времени асе более и более проникается общим научным духом». Что понятие «философия истории» (в ее научном фазисе) тождественно с понятием научной теории исторического процесса, мы старались доказать на всем протяжении нашей работы. Выяснение этого пункта мы считали одною из главных наших задач.

так же нежелательно, как и умаление ее.

Нам остается указать еще на два отрицательных момента физиолого-психологического направления, которые, правда, не необходимо связаны с этим направлением, но тем не менее должны быть отмечены ввиду их особенного значения при оценке характера исторического процесса. Во-первых, представители физиолого-психологического направления часто склонны рассматривать личность как нечто изолированное, вполне самостоятельное и независимое. Они видят в личности законченное единство, игнорируя бесчисленные и тончайшие нити, недоступные поверхностному наблюдению, связывающие и скрепляющие индивидуум с охватывающей его социальной и национальной коллективной группой. Для многих представителей физиолого-психологического направления государство, общество, нация представляют только абстракции. Можно протестовать против метафизического и полумистического гипостазирования понятий общества, государства и нации, но это нам не дает еще права не считаться с теми реальными силами, воплощенными также в личностях, которые развивались из самого факта исторического векового сосуществования и кооперации большого числа личностей в одном и том же национальном, государственном и общественном союзе. Игнорирование этих реальных сил ведет неизбежно к самым грубым недоразумениям и заблуждениям, вроде тех произвольных построений в политической экономии, которые удачно окрещены именем «Робинзоннад»⁴.

Второй отрицательный момент физиолого-психологического

---

⁴ То же происхождение имеет основная ошибка даже самых выдающихся теоретиков анархического коммунизма, к которым можно отнести Прудона, Штирнера, М. Бакунина, Жана Грва, Элизе Реклю и П. К. Всем им не удалось избежать противоречия между признаваемой ими естественной зависимостью личности от коллективной группы, с одной стороны, и требованием абсолютной автономии личности — с другой. Это последнее требование вытекает из признания анархическими теоретиками принципа абсолютной свободы как основы идеального общественного строя. Уже одна необходимость ограничения свободы личности такой же свободой другой личности — а это необходимое ограничение признается и анархическими теоретиками — должна мешать нам поставить принцип индивидуальной свободы во главе учения об обществе.

направления кажется нам не менее важным. Представители этого направления, исходя из потребностей и стремлений человека, весьма часто склонны ограничиваться в своих историко-философских рассуждениях самыми общими свойствами человеческой природы, которая предполагается ими достаточно известной. Их рассуждения должны неизбежно превращаться, таким образом, в общие места и отличаться большею частью абстрактным характером, по крайней мере так было до самого последнего времени. Вряд ли необходимо приводить примеры для подтверждения сказанного. Тому, кто хоть сколько-нибудь знаком с обширной литературой по философии истории, должно быть известно, в каком отношении находятся внешние размеры этой литературы к ее внутреннему содержанию, количество историко-философских работ к их качеству. Если о состоянии философии истории судить по количеству произведений, занимающихся историко-философскими вопросами, то ее пришлось бы считать одною из самых развитых научных дисциплин, что, как всем известно, было бы совершенно несправедливо.

Что указанные отрицательные моменты физиолого-психологического направления не необходимо связаны с основным характером этого направления, нам кажется не подлежащим сомнению. Ничто не мешает физиолого-психологическому направлению рассматривать личность в ее всесторонней зависимости от естественной и социальной среды. Развитие психологии дает этому направлению более солидный научный базис и массу материала для историческо-философских выводов. Физиолого-психологическое направление переходит в новый, высший фазис развития, утилизируя для историко-философских целей результаты коллективной психологии и пользуясь для этих же целей данными психологической патологии. В народно-психологических трудах Лацаруса и уже упомянутых работах Н. К. Михайловского (аналогичные исследования находим также и в западной литературе) нельзя не видеть блестящего доказательства возможности прогресса и способности к развитию физиолого-психологического направления.

После сказанного сама собою устраняется мнимая необходимость физиолого-психологического направления прибегать к абстрактным рассуждениям и общим местам о человеческой природе. С точки зрения современной психологии, далеко еще не остановившейся в своем развитии, нет вещи более сложной, чем, по-видимому, общеизвестная психико-физиологическая организация человека. Теория, которая рассматривает эту организацию в ее развитии и взаимодействии с объективными историческими факторами, уже, конечно, не может отличаться ни простотой, ни отвлеченностью своих положений и выводов⁵.

Ряд работ в этом направлении, появившихся в последнее время, которых мы здесь касаться не можем, лучше всего подтверждает наше положение.

Резюмируя все сказанное, мы должны прийти к заключению, что физиолого-психологическое направление постольку односторонне и ограничено, поскольку оно исходит из одного источника исторических влияний, из человека, игнорируя или недостаточно считаясь с двумя другими основными источниками исторических факторов: естественной и исторической средой.

Пробел по отношению к исторической среде пытается восполнить третье основное направление в научной философии истории, названное нами культурно-историческим. В противоположность физиолого-психологическому направлению культурно-историческое сосредоточивает все свое внимание не на отдельной личности, а на социальной группе, на обществе как целом, на исторически выработавшихся культурных формах, рассматривая личность исключительно как продукт последних. Самостоятельная и независимая личность, согласно этому направлению, есть вещь невозможная. Личность рассматривается как «продукт своего времени», как результат исторического развития.

К культурно-историческому направлению по своим социо-

---

⁵ Как на пример приложения тонкого психологического анализа к историко-философским исследованиям, можно указать, между прочим, на работы Зиммеля (*Sociale DifTerenzierung* и др.).

логическим выводам относится также «материалистическое понимание истории» Маркса и Энгельса.

Культурно-историческое направление сводит все в истории, в последнем счете, к социальной группе, к исторически выработавшимся культурным формам, но оно оставляет открытым вопрос, чем определяется характер самой социальной группы и образовавшихся в течение исторического процесса культурных форм. Напрасно мы будем искать ответ на этот капитальный вопрос у представителей культурно-исторического направления. Философия истории этого направления имеет поэтому чисто формальный или абстрактный характер: внутренняя, конкретная связь между индивидуумом и коллективной группой остается в полной неизвестности. Абстрактные положения вроде: «личность есть неизбежный продукт общественного развития», или: «личность есть продукт времени», или еще: «личность есть продукт истории», — конечно, не дают никаких указаний, какие именно общественные и исторические факторы и каким именно образом произвели те или другие исторические явления. Всякий знает, о чем идет речь, когда говорят о физико-климатической среде или о потребностях, страстях, идеях и интересах человека, но вряд ли кто представляет себе что-нибудь конкретное и ясное, когда личность объявляется «продуктом исторического и общественного развития». Уже цитированный нами ярый защитник этого направления, австрийский социолог Гумплович, чувствовал эту слабую сторону культурно-исторического направления, как показывают следующие его слова: «Нам недостает микроскопического анализа, который показал бы, каким образом каждая отдельная личность связана с определенной степенью социального развития и каким образом это последнее определяет мысль, чувства и действия личности».

Основной недостаток культурно-исторического направления состоит в том, что оно почему-то предполагает известным и простым в высшей степени сложный комплекс различнейших причин и влияний, нуждающийся сам в объяснении посредством анализа входящих в него элементов и их связи. Личность же, —

не изолированная, но подвергающаяся разнообразным и многочисленным влияниям и, в свою очередь, различнейшим образом влияющая на все ее окружающее, — которая одна может дать ключ к объяснению происхождения коллективности и культурных форм, в культурно-историческом направлении либо ступшевывается, то есть приравнивается к нулю, либо предполагается само собою подразумевающимся условием исторического процесса.

Культурно-историческое направление, таким образом, ставит на голову естественный порядок объяснения всякого явления: оно пытается объяснить сравнительно простое явление другим, весьма сложным, так как оно исходит из общества для объяснения личности. Вместо того чтобы рассматривать историю как продукт многих сравнительно простых факторов, находящихся во взаимодействии, это в наше время весьма распространенное направление берет уже готовые результаты исторического процесса исходным пунктом историко-философского исследования. Оно поэтому не в состоянии дать рационального объяснения конкретных исторических явлений.

Но в одном отношении культурно-историческое направление оказало философии истории крупную услугу. Оно установило прочно и бесповоротно самый факт зависимости всякого теоретического и практического влияния личности от данного состояния общества и данной уже достигнутой ступени его развития. Не подлежит сомнению, что даже такая чисто теоретическая деятельность, как философия, подвергается влияниям господствующего настроения и характера времени, в которое она возникает и развивается, — явление само по себе очевидное, но далеко не всеми замечаемое. То же происходит со всякой теоретической деятельностью. Существуют необходимые элементарные условия, которые должны быть выполнены, чтобы более или менее продолжительная и плодотворная теоретическая деятельность сделалась вообще возможной. Римский легионер, совершивший, сам того не зная, одно из величайших преступлений по отношению к науке, в животно-грубой форме показал

гениальному Архимеду на деле истинность положения, что нельзя во всякое время безнаказанно посвящать себя науке. Мир вместе с определенной степенью общественного и индивидуального благосостояния представляют эти важнейшие необходимые условия, без которых немислима никакая правильная научная теоретическая деятельность. Еще классический мир в лице своих замечательнейших мыслителей ясно понял и высказал зависимость развития наук и искусств от материальных условий существования общества. Оправдание рабства и всего античного социального строя Аристотелем основано на сознании последним этой тесной зависимости. Бокль также признал важность этого отношения развития наук и искусств к общественному благосостоянию. Последние примеры показывают, что и вне культурно-исторического направления сознавалась и формулировалась мысль о том, что «всякая теоретическая деятельность не в безвоздушном пространстве происходит» — мысль, которую многие представители культурно-исторического направления почему-то считают своим оригинальным открытием. Но что действительно должно быть приписано последним, это поднятие упомянутых элементарных, отчасти само собой подразумевающихся условий исторического развития на уровень единственных господствующих факторов общественного развития.

Неизбежность и своевременность реакции против направлений, предшествовавших культурно-историческому направлению в философии истории и игнорировавших культурно-исторический момент, отчасти объясняют односторонность этого направления — оправдать же ее совсем или поощрять эту односторонность философия истории не может, так как одна односторонность так же мало устраняется другой, как одно заблуждение другим. Общая тенденция культурно-исторического направления может быть сформулирована следующим образом: культурная историческая среда — все; человеческая личность — ничто или почти ничто: не личность мыслит, чувствует и действует — в ней мыслит, чувствует и действует среда. Культур-

но-историческое направление не всегда, правда, так откровенно, как Гумплович и Бастиан, но такова, повторяем, бесспорная тенденция этого направления, несмотря на уступки *in extremis* тех или других писателей, испугавшихся приведения *ad absurdum* своих основных положений, — уступок и оговорок, делаемых притом обыкновенно в пылу дебатов, но непременно и аккуратно забывающихся при самостоятельных историко-филологических рассуждениях.

Менее всего объясняет культурно-историческое направление историческое движение, собственно исторический процесс. Основная задача философии истории, или, точнее, ее единственная задача, которой все остальные подчинены как второстепенные, не разрешается культурно-историческим направлением. Объяснить зависимость исторического процесса от известных условий культурно-исторической среды, очевидно, далеко не значит найти причины самого процесса как явления. Все исторические явления возможны только при существовании Солнечной системы, без которой всякая органическая жизнь на Земле погибла бы; другими словами, исторический процесс зависит от Солнечной системы, но и приверженец культурно-исторического направления не сделает такой логической *salto mortale*, чтобы отсюда умозаключать: «Солнечная система — причина исторического процесса». Между тем это чудовищно нелогическое умозаключение буквально проделывается приверженцем культурно-исторического направления, когда он в зависимости исторического явления от определенных условий культурно-исторической среды видит объяснение, а следовательно, и причинную связь этого явления.

Мы уже указали на неопределенность и абстрактность самой терминологии культурно-исторического направления. Что в самом деле означает обычное, так часто встречаемое положение, что данное явление «есть продукт своего времени», необходимое следствие «духа времени». Все, что совершается, неизбежно совершается в пределах времени. Активная личность, влияющая известным образом на подлежащее объяснению явление, не со-

ставляет, само собою разумеется, исключения из этого правила. Мы, следовательно, так же мало знаем после объяснения «времени» о причине явления, как и до него. Мы можем это явление, приписанное «времени», отнести как к влиянию личности, так и к «объективным» моментам исторического процесса, так как «дух времени» представляет собою и то и другое. То же самое происходит и с другими обычными терминами культурно-исторического направления.

Резюмируем результаты нашего общего анализа как положительных, так и отрицательных сторон трех основных направлений научной философии истории. Ни одно из этих направлений не объясняет всего исторического процесса. Каждое из них: физико-климатическое, физиолого-психологическое и культурно-историческое — обусловлено необходимо существующим элементом самого

исторического процесса и имеет, следовательно, свое научное оправдание и теоретическое, как и практическое значение. Только настаивая на исключительном праве на существовании или привилегированном положении в философии истории, каждое из этих направлений приобретает отрицательное значение для научной теории исторического процесса и становится сильнейшим препятствием к дальнейшему развитию философии истории. Претензии одного из этих направлений на гегемонию в философии истории мешают пониманию исторического процесса, выдвигая одну его сторону в ущерб другим. Систематическое объединение, а не эклектическое сопоставление этих трех законных и естественных направлений представляет в высшей степени важную, почти совсем не разработанную историко-философскую проблему. Не может быть речи о решении этой важной проблемы здесь, мимоходом.

Замечательная сложность философии истории имеет своим следствием и то, что величайшие философские проблемы, волнующие умы людей, в той же или в измененной форме снова выступают пред нами в историко-философской области. Арена борьбы философских партий, так сказать, расширяется. Так,

например, философский антагонизм между материализмом и идеализмом дает себя чувствовать и в философии истории, влияет на выбор исходной точки зрения при объяснении исторического процесса. Последовательный материалист более склонен исходить из конкретных факторов истории в то время, когда идеалист отдает предпочтение духовным началам индивидуума.

Отсюда борьба и между такими историко-философскими направлениями, которые могли бы только дополнить друг друга. Подобно тому как антагонизм между идеализмом и материализмом дает новую пищу научным разногласиям на почве философии истории, вступают в борьбу друг с другом в этой новой области другие противоположные основные философские направления. Мы упомянули уже, какого значения могут достигнуть в философии истории догматизм, скептицизм и критицизм. Таким же образом с новой энергией на почве философии истории должна возгореться борьба между пессимизмом и оптимизмом. Различнейшие философские принципы и тенденции, обозначаемые обыкновенно именами рационализма, спиритуализма, эмпиризма, плюрализма, атомизма, дуализма, монизма, стремятся подчинить себе и область философии истории, умножая таким образом и без того многочисленные трудности этой сложной области знания. Даже знаменитый спор между номиналистами и реалистами, прошумевший в средние века, возобновляется в другой форме в философии истории по поводу вопроса об отношении личности к обществу (смотрите, например, II т. «Социологии» Герберта Спенсера). Так многочисленны и разнообразны объективные трудности историко-философской области. Мы уже не говорим здесь о субъективных трудностях, вытекающих из различия интересов, симпатии и антипатии, большей или меньшей способности понимания исследователями исторического прогресса. Все эти причины достаточно, надеемся, объясняют то разнообразие мнений, теорий, доктрин, взглядов и гипотез, делающих пока из философии истории самую хаотическую область нашего теоретического знания.